

ЛЕВ ЛУРЬЕ

ОКНО
В
ИСТОРИЮ

Над вольной **Невой**

От блокады до «оттепели»

Окно в историю

Лев Лурье

**Над вольной Невой. От
блокады до «оттепели»**

«БХВ-Петербург»

2022

УДК 908
ББК 63.3

Лурье Л. Я.

Над вольной Невой. От блокады до «оттепели» / Л. Я. Лурье —
«БХВ-Петербург», 2022 — (Окно в историю)

ISBN 978-5-9775-6821-0

Книга посвящена Ленинграду 1940 – 1960-х годов. Впервые сделана попытка собрать все источники – около сотни интервью очевидцев, судебные протоколы, воспоминания, разбросанные в Интернете. Неформатный Ленинград – город вольных поэтов и живописцев, политических смутьянов, модников и модниц, чудаков и эрудитов, опальных профессоров и подпольных дельцов. Город, неизвестный широкому читателю, даже петербуржцу. Для широкого круга читателей. В формате PDF A4 сохранён издательский макет.

УДК 908

ББК 63.3

ISBN 978-5-9775-6821-0

© Лурье Л. Я., 2022
© БХВ-Петербург, 2022

Содержание

О чем эта книга	6
У кого взяты интервью	11
Часть I	16
Посттравматический синдром	16
Победа Смольного	19
Смерть Жданова	24
За что наказали «ленинградцев»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лев Лурье

Над вольной Невой. От блокады до «оттепели»

Выражаю огромную благодарность моим соработникам-редакторам – покойному Евгению Морозу, Римме Круповой, Екатерине Видре, Анастасии Голец, Софье Лурье, Алексею Чачбе, Федору Погорелову, соавторам Евгению Вышенкову, Ирине и Леониду Маляровым, помогавшему мне в работе над этой книгой Никите Корбасову

На обложке фотография из архива Николая Самонова «Ленинград, ул. Академика Лебедева, нач. 1960-х»

© Самонов Н., фото на обложке, 2022

© ООО «БХВ-Петербург», ООО «БХВ», 2022

О чем эта книга

Замечательный социолог и один из героев этой книги Борис Максимович Фирсов посвятил свою монографию «Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы» (СПб.: 2008) особенностям поведения и мышления советских людей в послевоенное время.

В СССР полагалось высказываться и вообще вести себя, руководствуясь жесткими и не всегда прямо прописанными правилами. Любое отклонение каралось в пределах от публичной выволочки, служебных неприятностей или карьерных ограничений до расстрела и лагерного срока. И хотя после смерти Сталина происходила постепенная секуляризация, нравы смягчались, государство все же сохраняло контроль и над образом мыслей, и над стилем жизни.

Тем не менее граждане часто думали не так, как предписывалось, вели себя не «по-советски», грешили, обменивались анекдотами, в том числе и политическими, нарушали законы и правила. «Подводная» жизнь постепенно становилась все более богатой и интересной, а «надледная» – все скучнее.

Эту книгу составили материалы к истории «отклоняющегося поведения» в Ленинграде от снятия блокады до окончательного наступления брежневского застоя.

Социалистический Ленинград – город, раненный при рождении. Из двух с половиной миллионов человек, живших в Петрограде в 1917 году, к 1921-му осталось полмиллиона. Процент потерь – больше, чем в блокаду. Правда, от голода и холода умерло людей меньше, большинство разъехалось по России или эмигрировало. Национализация, слом старых государственных учреждений, цензура, переезд столицы в Москву... Стали «лишними людьми» присяжные поверенные, литераторы, лавочники, фабриканты, инженеры, депутаты Думы, чиновники, гвардейцы. Расстрелы, подвалы ЧК на Гороховой улице, уплотнение квартир, голод выгнали в эмиграцию тех из них, у кого оставались хоть какие-то средства и воля к жизни. Остались старые, немощные, нерешительные, готовые жить при любой власти, или, как Ахматова, давшие зарок не уезжать с теми, «кто бросал землю на растерзание врагам».

Кто-то оказался в Европе, как Александр Бенуа, Мстислав Добужинский, Илья Репин, Александр Куприн, Максим Горький, Саша Черный, Георгий Иванов, Владимир Набоков, Сергей Дягилев, Анна Павлова, Тамара Карсавина, Питирим Сорокин, Михаил Ростовцев, Павел Милюков, Виктор Чернов, Юлий Мартов. Кто-то в Москве: Владимир Маяковский, Исаак Бабель, Виктор Шкловский.

В 1920-е уничтожили горьковский журнал «Русский современник», основанные писателем в годы военного коммунизма издательство «Всемирная литература» и Дом искусств. Травили и гнали филологов из ОПОЯЗ и «Серапиевых братьев».

Николая Гумилева расстреляли. Умерли Александр Блок и Велимир Хлебников. С 1925 года не печатали Ахматову, выдавили из страны Евгения Замятина. Те, кто остался, превратились в «лишенцев» – они не могли занимать ответственные должности, их детей не принимали в вузы. В 1920–1930-е годы отправляли на Соловки или на расстрел бывших лицеистов, гвардейских офицеров, спиритов, священников, участников религиозно-философских кружков, сотрудников Академии наук, краеведов, «инженеров-вредителей».

Решающая чистка происходит после убийства Кирова. В закрытом письме ЦК «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», разосланном в январе 1935 года, в частности, говорилось: «Ленинград является единственным в своем роде городом, где больше всего осталось бывших царских чиновников и их челяди, бывших жандармов и полицейских... Эти господа, расплзаясь во все стороны, разлагают и портят наши аппараты». Так началась операция НКВД, получившая название «Бывшие люди».

Новый глава Ленинградского управления НКВД Леонид Заковский писал в Москву: «Считаю абсолютно необходимым в целях очистки гор. Ленинграда переселить в отдаленные

места Советского Союза 5000 семей „бывших“ людей. Всех совершеннолетних мужчин арестовать и подвергнуть быстрой оперативно-следственной обработке, распределить их между лагерем и ссылкой, семьи – сослать».

Даже наркому Генриху Ягоде это показалось крайностью, способной «дать пищу для зарубежной клеветнической кампании в прессе». Он считал необходимым арестовывать тех, «на кого имеются материалы о контрреволюционной работе», и ссылать только семьи ранее расстрелянных. Но именно Заковского поддержали Сталин и 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Жданов.

Операция «Бывшие люди» заняла месяц: с 28 февраля по 27 марта 1935 года. Главными источниками информации для чекистов стали доносы соседей, мечтавших получить жилплощадь «бывших», и адресные книги, изданные до 1917 года: старые петербуржцы жили обычно в одной из комнат своей бывшей квартиры. За месяц из Ленинграда выслали 39 тысяч, 4393 человека расстреляли, 299 отправили в лагерь. Почти 70 % из репрессированных – старше 50 лет. Зато освободилось 9950 квартир и комнат.

Режиссер Любовь Шапорина записывала в дневнике: «В несчастном Ленинграде стон стоит, и были бы еще целы колокола, слышен был бы похоронный звон. Эти высылки для большинства – смерть. Высылаются дети, 75-летние старики и старухи. Ссылают в Тургай, Вилуйск, Атбасар, Кокчетав, куда-то, где надо 150 верст ехать на верблюдах, где ездят на собаках».

Кого-то в последний момент спасли высокие покровители. Особенно помогал академик Иван Павлов. В восьми письмах к главе советского правительства Вячеславу Молотову он сумел добиться возвращения в Ленинград нескольких уже высланных семей: «Ручаюсь моею головою, которая чего-нибудь да стоит, что масса людей честных, полезно работающих, сколько позволяют их силы, часто минимальные, вполне примирившиеся с их всевозможными лишениями без малейшего основания (да, да, я это утверждаю) караются беспощадно, не взирая ни на что как явные и опасные враги Правительства, теперешнего государственного строя и родины».

Судьба подавляющего большинства без вины виноватых бывших дворян ужасна. Работы по специальности в маленьких казахских и сибирских городках не найти. Дети и старики быстро умирали от голода и отсутствия медицинской помощи. В 1937 году большинство доживших «глав семей» расстреляли.

Ленинград лишился сотен специалистов, высококультурных, как правило, блестяще знавших иностранные языки. Особенно много потерь понесли Эрмитаж и другие музеи, Академия наук (ее в 1934 году перевели в Москву), Университет, Публичная библиотека, издательства, театры, школы. На рубеже 1920–1930-х в опале оказались и те интеллигенты, кто не преуспевал при старом режиме. Закрыт Государственный институт художественной культуры (ГИНХУК), а потом и Ленинградский институт философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ). В ссылке оказались обэриуты – Даниил Хармс и Александр Введенский. Под запретом художественный авангард – Казимир Малевич, Павел Филонов и их ученики.

Чистки и запреты коснулись не только тех, кто принял большевизм как данность, но и тех, кто сотрудничал с новой властью не на страх, а на совесть. До 1926 года партийную организацию города возглавлял Георгий Зиновьев, после его опалы все партийцы, в том числе и активные участники Октября, герои Гражданской войны оказались под подозрением.

Когда потерпевшего поражение в аппаратной борьбе Зиновьева сняли из Ленинграда и выслали из города, новому местному вождю – Кирову – пришлось иметь дело с партийной организацией, которая еще недавно единодушно выступала против «генеральной линии». Впрочем, подавляющее большинство коммунистов сразу после XIV съезда раскаялись в том, что голосовали за оппозицию (1). Продолжавших оставаться в оппозиции перевели на периферийную работу, а с 1927 года они мыкались по ссылкам. Но подавляющее большинство низовой городской номенклатуры составляли те, кто в 1925 году радостно отрекся от зиновьевцев и искренне

примкнул к сталинцам. После убийства Кирова и их лояльность под вопросом. Под подозрением партийные старожилы, в том числе знаменитые питерские рабочие, герои Октября, победители Юденича (2), а в личных делах – борьба против «генеральной линии партии». Чистку ленинградской партийной организации проводил новый первый секретарь обкома и горкома – Андрей Жданов.

29 декабря 1934 года расстреляли 14 участников вымышленного «Ленинградского центра» – Леонида Николаева и его давних, часто случайных знакомых, некогда поддерживавших Зиновьева. 16 января 1935 года к заключению на сроки от пяти до десяти лет приговорили участников «Московского центра», бывших вожakov «ленинградской оппозиции» Григория Зиновьева, Льва Каменева, Григория Евдокимова, Ивана Бакаева, и других. В тот же день Особое совещание НКВД вынесло приговор 77 участникам мифической «группы Сафарова – Залуцкого». Все подсудимые отправились в политизоляторы и ссылку.

26 января 1935 года Сталин подписал постановление Политбюро о высылке на 3–4 года из Ленинграда на север Сибири и в Якутию 663 «зиновьевцев». По этому же решению другую группу бывших оппозиционеров в количестве 325 человек перевели из Ленинграда на работу в другие районы. Понятно, что в 1937–1938 годах подавляющую часть этих людей расстреляли. «Кировский поток» показал, что все живущие в Ленинграде находятся в особой зоне риска.

Большой террор в Ленинграде стал не началом, а продолжением процесса перманентных чисток. В Ленинграде расстреливали в поныне существующей тюрьме на улице Лебедева (в 1937-м она еще называлась Нижегородской), трупы отвозили в Левашовскую пустошь. Всего за 1937–1938 годы в городе казнили 39 488 человек. 20 декабря 1937 года, например, направили на расстрел 755 мужчин и 69 женщин, 22 октября 1938-го расстреляли 716 мужчин и 39 женщин.

Особенностью Большого террора в Ленинграде стало обилие осужденных в ходе национальных операций (3). По мнению Сталина, опасность представляли граждане любой национальности, у которых имелась вторая родина за границей: поляки, финны, немцы, латыши, эстонцы, литовцы – самые многочисленные ленинградские общины – со своими газетами, школами, театрами.

Большой террор в Ленинграде ударил и по интеллигенции. Расстреляны поэты Борис Корнилов, Бенедикт Лившиц, Николай Олейников. Разгромлен детский отдел Госиздата, созданный Самуилом Маршакom. Тотальные аресты прошли во Всесоюзном институте растениеводства и Пулковской обсерватории. Одновременно разгромной критики удостоились Дмитрий Шостакович и герои статьи «Правды» «О художниках-пачкунах»: Владимир Лебедев, Владимир Конашевич, Николай Тырса.

Покидают Ленинград и спасаются в Москве Корней и Лидия Чуковские, Самуил Маршак, Юрий Тынянов, Вениамин Каверин, Николай Тихонов.

В политической системе, складывавшейся в 1930-е, не могло быть неподконтрольных «центров силы». Колыбель революции, бывшая столица, с ее многочисленными культурными институциями и трехмиллионным населением представлялась аномалией, городом, лелеявшим реванш.

Ситуация в чем-то напоминала царствование Ивана Грозного, когда гнев царя обрушился на Новгород. Никто там и не думал об отделении, бунте, союзе с Польшей или Швецией. Но само существование прежде независимого центра, оставшаяся у его жителей память о минувшем величии настораживали правителей.

Одна страна, один вождь, одна столица. Остальное – опасная помеха. А впереди – блокада, крупнейшая гуманитарная катастрофа в истории европейских городов.

В 1917 году в Петрограде жило, как говорилось выше, 2,3 млн человек, в 1920-м – 740 тыс., в 1926-м в Ленинграде уже 1 млн 591 тыс. человек, в 1929-м – 1 млн 698 тыс., в

1935-м – 2 млн 715 тыс., в 1937-м – 2 млн 814 тыс., в 1941-м – 3 млн 398 тыс. человек. То есть население города сменилось больше чем на три четверти. Другой город, другие люди.

И тем не менее здесь еще работали Абрам Иоффе и Евгений Тарле, Анна Ахматова и Евгений Шварц, Николай Акимов и Дмитрий Шостакович, Борис Эйхенбаум и Владимир Пропп.

Это город, в котором остерегаются опасных разговоров, но они ведутся вполголоса. Город над вольной Невой – в огне не горит, в воде не тонет. Остались имперская архитектура, Публичная библиотека, Университет, но, главное, те, кто помнит «шум времени», кто читал наизусть Гумилева и Цветаеву, знал Святцы, отличал фарфор Гарднера от фарфора Мейссена, помнил «Письмо Ленина к съезду» и «Так говорил Заратустра».

Город, где вместе с «проваренными в чистках как соль» таились истинно верующие, скрытые поклонники Троцкого, адепты Малевича и Татлина, ненавистники Сталина и последние рыцари императорской России. Где ночами вешали на заборах листовки против Финской войны, сочувствовали Англии, объявившей в 1939-м войну Гитлеру, крестили детей, молились за Иоанна Кронштадтского и Ксению Петербургскую. Вспоминали лихого петербургского Робин Гуда – Ленку Пантелеева, или вольную доколхозную деревенскую жизнь. Где неписанные правила («обычное право») важнее коммунистических проповедей.

Свидетели той потаенной довоенной действительности ушли из жизни, вопросов им не задашь. Историю разномыслия приходится восстанавливать по воспоминаниям, написанным теми, кто дожил до вегетарианского времени, по немногим чудом сохранившимся дневникам, материалам ОГПУ и НКВД, сводкам партийных органов.

Другое дело – время послевоенное, первые его десятилетия. Современники живы, бояться нечего. Поэтому мы начали с истории разномыслия в Ленинграде в сталинское, хрущевское и первые годы брежневского времени: 1944–1968.

Книга «Над вольной Невой. От блокады до „оттепели“» основана на интервью, взятых мной и моими тогдашними соавторами и сотрудниками в бытность директором документальной редакции «Пятого канала» в 2005–2010 годах для цикла передач «Культурный слой», 12-серийного фильма «1956 год. Середина века» и 10-серийного фильма «Опасный Ленинград».

Книга состоит из отдельных главок – очерков, в которых широко используются фрагменты интервью и мемуаров. Жанр хроники характеристики и мнений, появившийся в России благодаря В. Вересаеву с его «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни».

Использованы фрагменты выходивших в издательстве «БХВ» книг «Без Москвы» («Блокада. Постравматический синдром», «Шпана», «Мальчики из СХШ», «Поэт, тиран, шпион», «Зальцман – король танков», «Разгром филфака», «Ленинградский д'Артаньян»), «22 смерти, 63 версии» («Андрей Жданов»), «Ленинград Довлатова» (соавтор Софья Лурье) и написанной вместе с Ириной Маляровой книги «1956 год. Середина века» (М., «Эксмо», 2007). Все они отредактированы, часть – значительно дополнена.

Кроме того, в книгу вошли отрывки из опубликованных печатно или в Интернете воспоминаний Арсения Березина [1], Андрея Битова [2], Бориса Вайля [3], Татьяны Девиз [4], Татьяны Никольской [5], Револьта Пименова [6], Валентина Тихоненко [7], Александра Шлепанова [8], Олега Яцкевича [9].

Эта книга – первая часть очерков истории позднего Ленинграда. Сейчас я работаю над следующим периодом в жизни города «над вольной Невой» – 1970–1980-ми, временем застоя и перестройки. Надеюсь, что эта работа тоже выйдет в издательстве «БХВ».

Использованная литература

1. Березин А. Пики-козыри. СПб., 2007.
2. Битов А. Пушкинский Дом. СПб., 1999.

3. Вайль Б. Б. Особо опасный / авт. предисл. К. И. Герстенмайер. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1980.

4. Рядом с большой историей: очерки частной жизни XX века / Татьяна Дервиз. – СПб.: Журнал «Звезда», 2011.

5. Никольская Т. Стиляги и стиливики: к истории одной ленинградской субкультуры. URL: <https://syg.ma/@stanislava-moghilieva/t-l-nikolskaia-stiliaghi-i-stilieviki-k-istorii-odnoi-lieningradskoi-subkultury> (дата обращения: 12.11.2020).

6. Пименов Р. И. Воспоминания: в 2 т. / Информ-эксперт. группа «Панорама». – М.: Панорама, 1994–1996. – (Документы по истории движения инакомыслящих; вып. 6–7 / ред. сер. Н. Митрохин). 1996. Т. 1–2.

7. ТАРЗАН в своем Отечестве. Интервью Олеси Гук у Валентина Тихоненко // (Пчела #11 (октябрь-ноябрь 1997)) / Тихоненко Валентин Андреевич. URL: https://vk.com/topic-3880729_7052902.

8. Шлепянов А. О стилягах. URL: <https://dipart.livejournal.com/45302.html> (дата обращения: 12.11.2020).

9. «Невский проспект мы называли Бродвеем!»: как жили ленинградские стиляги? URL: <https://news.rambler.ru/other/41070454-nevskiy-prospekt-my-nazyvali-brodveem-kak-zhili-leningradskie-stilyagi/> (дата обращения: 12.11.2020).

У кого взяты интервью

Аземша Василий Николаевич (род. 1946) – скульптор.

Аксенов Василий Павлович (1932–2009) – прозаик. Эмигрировал в США в 1980 г.

Александров Даниил Александрович (род. 1957) – социолог и биолог, профессор Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге.

Арканов (Штейнбок) Аркадий Михайлович (1933–2015) – драматург и сценарист.

Аствацатуров Андрей Алексеевич (род. 1969) – филолог, писатель.

Астраханов Михаил – в 1950-е годы учащийся одной из ленинградских школ.

Белкин Анатолий Павлович (род. 1953) – художник.

Беляк Николай (род. в 1946) – поэт, главный режиссер Интерьерного театра в Петербурге.

Березин Арсений Борисович (род. 1929) – физик, переводчик, прозаик.

Битов Андрей Георгиевич (1937–2018) – прозаик.

Блюм Арлен Викторович (1933–2011) – библиограф, историк цензуры в России и СССР, доктор филологических наук.

Большакова Нина – актриса.

Боронин Николай Николаевич (1934–2011) – режиссер документального кино.

Вайль Борис Борисович (1939–2010) – писатель, участник правозащитного движения в СССР. Впервые осужден в 18 лет за участие в подпольной марксистской организации по одному делу с Револьтом Пименовым.

Васюточкин Георгий Сергеевич (род. 1937) – геофизик, историк джаза, литературовед, публицист.

Вербловская Ирэна Савельевна (род. 1932) – историк, правозащитник. Гражданская жена Револьта Пименова. В 1957 году осуждена на пять лет лишения свободы за антисоветскую агитацию.

Гайворонский Андрей Владимирович (род. 1947) – поэт.

Герасимов Владимир Васильевич (1935–2015) – филолог, краевед, экскурсовод.

Герман Алексей Юрьевич (1938–2013) – кинорежиссер.

Гершт Борис Иосифович (1937–2020) – режиссер, поэт.

Гилинский Яков Ильич (род. 1934) – правовед, криминолог и социолог, доктор юридических наук.

Гордин Михаил Аркадьевич (1941–2018) – литературовед, историк.

Гордин Яков Аркадьевич (род. 1935) – историк, публицист, поэт и прозаик, главный редактор журнала «Звезда» (с 1991 г. совместно с А. Ю. Арьевым).

Городецкий Роберт Шимшинович (род. 1940) – клоун-мим, один из основателей театра «Лицедеи».

Городницкий Александр Моисеевич (род. 1933) – геофизик, поэт, один из основоположников жанра авторской песни в России. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

Гранин (Герман) Даниил Александрович (1919–2017) – писатель, киносценарист, общественный деятель. Участник Великой Отечественной войны.

Гребенщиков Борис Борисович (род. 1953) – музыкант, лидер группы «Аквариум».

Дервиз Татьяна Евгеньевна (род. 1936) – литератор, астроном.

Димитрин (Михельсон) Юрий Георгиевич (1934–2020) – драматург, либретист, писатель.

Дышленко Борис Иванович (1941–2015) – прозаик, художник. Один из лидеров ленинградской неофициальной литературы 1970–1980-х.

Еремин Михаил Федорович (род. 1936) – поэт.

Жирмунская Вера Викторовна (род. 1947) – дочь академика В. М. Жирмунского, литературовед.

Егельская Наталья – актриса.

Егоров Борис Федорович (1926–2020) – литературовед, историк, культуролог, мемуарист.

Ершов Борис Иванович (род. 1938) – джазовый музыкант, участник ансамбля «Ленинградский диксиленд».

Завидонов Станислав Петрович (род. 1934) – футболист и тренер ленинградского «Зенита».

Иванов Александр Николаевич (род. 1932) – кинооператор, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Иванов Борис Иванович (1928–2015) – писатель, редактор самиздатовского журнала «Часы».

Иезуитова Людмила Александровна (1931–2008) – литературовед.

Иовлева Эльвира Васильевна (род. в 1943) – многолетний директор 30-й физико-математической школы.

Калинина Ирина Павловна (род. 1936) – режиссер документального кино.

Кальварский Анатолий Владимирович (род. 1934) – композитор, пианист, дирижер, исполнитель и популяризатор джазовой музыки.

Квинихидзе Леонид Александрович (1937–2018) – кинорежиссер и сценарист.

Клубков Павел Анатольевич (1949–2011) – лингвист, доцент СПбГУ.

Коббак Александр Валерьевич (род. 1952) – краевед, директор Фонда им. Д. С. Лихачёва.

Ковенчук Жанна (род. 1940) – вдова художника Г. Ковенчука.

Ковский Вадим Евгеньевич (род. 1935) – литературный критик, литературовед.

Колкер Александр Наумович (род. 1934) – композитор, выпускник ЛЭТИ, автор музыки к спектаклю «Весна в ЛЭТИ».

Коробова Эра Борисовна (род. 1931) – искусствовед, сотрудник Государственного Эрмитажа.

Кочергин Эдуард Степанович (род. 1937) – театральный художник, писатель, мемуарист, главный художник БДТ им. Г. А. Товстоногова с 1972 года.

Кудрова Ирма Викторовна (род. 1929) – литературовед, исследователь жизни и творчества Марины Цветаевой.

Кудрявцев Александр Георгиевич (род. 1935) – работник сферы обслуживания, первый ленинградский бармен.

Кукулин Илья Владимирович (род. 1969) – литературовед, литературный критик, поэт.

Лапина Инна – студентка Ленинградского политехнического института в 50-е годы.

Лебедев Виктор Михайлович (род. 1935) – композитор, народный артист Российской Федерации.

Левин Юрий Леонидович (1938–2016) – механик, в 1956 г. «изготовил» 19 листовок и 24 анонимных письма против подавления восстания в Венгрии; политзаключенный (1956–1964). Повторно арестован, подвергся принудительной госпитализации в психиатрическую больницу (1969–1971).

Левина Людмила Леонидовна – продавец в отделе поэзии Ленинградского дома книги в течение нескольких десятилетий.

Лейтес Натан Шоломович (1937–2013) – энтузиаст джаза, организатор концертов, основатель первого в СССР джазового клуба «Квадрат».

Лосев (Лившиц) **Лев Владимирович** (1937–2009) – поэт, литературовед, мемуарист. В 1962–1975 гг. редактор журнала «Костер».

Лотман Лидия Михайловна (1917–2011) – литературовед, исследователь русской литературы XIX века. Сестра Юрия Михайловича Лотмана.

Марченко Нина Федоровна (род. 1922) – следователь прокуратуры.

Марцоли Янина Сергеевна (род. 1946) – театральный режиссер, актриса, педагог по сценическому движению.

Медведев Сергей – фарцовщик.

Мельцер Игорь Юрьевич (род. 1962) – ресторатор.

Неплюх Владлен (Вадим) **Шмеркович** (1935–2019) – джазовый музыкант.

Никольская Татьяна Львовна (род. 1945) – литературовед, библиограф, мемуаристка.

Овчинников Владимир Афанасьевич (1941–2015) – российский художник, скульптор, сценограф, участник «Выставки такелажников» в Эрмитаже в 1963 году.

Пахоменко Мария Леонидовна (1937–2013) – советская и российская эстрадная певица, народная артистка Российской Федерации.

Петухова Светлана Васильевна (1937–2018) – руководитель клуба Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета.

Пименов Револьт Иванович (1931–1990) – математик, историк, участник диссидентского и правозащитного движения в СССР. В 1957 году приговорен к 6 годам лишения свободы за антисоветскую агитацию и пропаганду. Позднее приговор в отношении Пименова был отменен Коллегией Верховного суда РСФСР «за мягкостью». В соответствии с новым приговором Пименов получил 10 лет и поражение в правах на три года.

Пиотровский Михаил Борисович (род. 1944) – историк-востоковед. С 1992 года директор Государственного Эрмитажа.

Плотников Валерий Федорович (род. 1943) – фотограф, окончил среднюю художественную школу при Академии художеств (учился вместе с Олегом Григорьевым и Михаилом Шемякиным).

Попов Валерий Георгиевич (род. 1939) – прозаик, председатель Союза писателей Санкт-Петербурга (с 2003 г.).

Прохорова Алла – актриса, выпускница ЛЭТИ.

Пустынцев Борис Павлович (1935–2014) – диссидент, переводчик и режиссер дубляжа. В 1957 году осужден за антисоветскую агитацию и пропаганду и приговорен к 10 годам лишения свободы. В начале 1962 года освобожден условно-досрочно.

Райский Иосиф Генрихович (род. 1935) – инженер, музыковед, музыкальный критик, выпускник ЛЭТИ.

Рейн Евгений Борисович (род. 1935) – поэт и прозаик, сценарист, входил в круг молодых поэтов, близких А. А. Ахматовой.

Розовский Марк Григорьевич (род. 1937) – театральный режиссер, драматург и сценарист, композитор.

Романков Леонид Петрович (род. 1937) – политический деятель, правозащитник, депутат Ленсовета (1990–1993), депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга (1994–2002).

Рыжик Валерий Адольфович (род. 1937) – преподаватель, народный учитель Российской Федерации.

Северюхин Дмитрий Яковлевич (род. 1954) – краевед, художественный критик.

Смарышев Михаил Дмитриевич (род. 1936) – инженер, конструктор, заслуженный деятель науки РФ, сценарист спектакля «Весна в ЛЭТИ» (1956).

Солохин Николай (1930–2015) – выпускник ЛГУ, журналист, филолог. Участник политического кружка М. М. Молодцова. В 1958-м приговорен («антисоветские высказывания» в переписке) к 8 годам ИТЛ. Освобожден в 1964 году. Работал сельским учителем и в газетах Всеволожска «Невская заря», «Всеволожские вести».

Тайгин (Павлинов) Борис Павлович (1928–2008) – поэт, издатель, коллекционер музыки.

Таиров Юрий Михайлович (1931–2019) – физик, заслуженный деятель науки и техники России, выпускник ЛЭТИ.

Тиличев Евгений Сергеевич (1946–2021) – актёр.

Толстов Виктор Васильевич – генеральный директор ОАО «Механический завод».

Топоров Виктор Леонидович (1946–2013) – литературный критик, публицист, переводчик, филолог.

Тупикин Анатолий Петрович (1938–2018) – комсомольский и партийный деятель, В начале 1960-х заместитель заведомо пропаганды и агитации Ленинградского обкома ВЛКСМ, в 1965–1970 гг. – секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ.

Тихоненко Валентин Андреевич (род. 1930) – потомственный ленинградец, блокаду провел в Ленинграде школьником, привлекался вместе с другими учащимися к разминированию пригородных парков, стал инвалидом. Первый и главный ленинградский стилиста, фарцовщик 50–60 гг., одна из ключевых фигур неофициального Ленинграда 1950-х годов.

Траугот Валерий Георгиевич (1936–2009) – художник, книжный график, участник творческого содружества Г. А. В. Траугот (с отцом Георгием и братом Александром).

Усыкин Александр Львович (род. 1938) – джазовый музыкант.

Уфлянд Владимир Иосифович (1937–2007) – поэт, участник литературной группы «Филологическая школа».

Ухналёв Евгений Ильич (1931–2015) – народный художник Российской Федерации, разработчик современного Государственного герба Российской Федерации, знаков президентской власти, высших государственных наград РФ.

Фаенсон Любовь Николаевна – историк, искусствовед.

Файнштейн-Васильев Михаил Борисович (род. 1963) – рок-музыкант, участник группы «Аквариум».

Федоров Леонид Валентинович (род. 1963) – музыкант, лидер группы «Аукцион».

Фейгин Лео (Леонид Самуилович) (род. 1938) – в 1959 году окончил Институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Мастер спорта СССР. В 1967 году окончил филологический факультет Педагогического института им. А. И. Герцена. В 1973-м эмигрировал. Продюсер, радиоведущий BBC.

Фейертаг Владимир Борисович (род. 1931) – музыкант и музыковед, знаток и популяризатор джаза.

Фронтинский Олег Борисович (1938–2020) – архитектор, художник, коллекционер.

Хахаев Сергей Дмитриевич (1938–2016) – инженер, участник правозащитного движения. Сопредседатель правления общества «Мемориал» (Петербург). В 1965 году приговорен к 7 годам колонии и 3 годам ссылки.

Хиль Эдуард Анатольевич (1934–2012) – эстрадный певец, народный артист РСФСР.

Шагин Дмитрий Владимирович (род. 1957) – художник, член творческой группы «Митьки».

Шейнис Виктор Леонидович (род. 1931) – экономист, политолог, общественный деятель.

Шемякин Михаил Михайлович (род. 1943) – художник, скульптор, участник «Выставки такелажников» в Эрмитаже в 1963 г. **Ширяев Борис** (род. 1936) – в 1958-м окончил истфак ЛГУ. Основатель и руководитель кафедры североамериканских исследований.

Шифман Михаил Львович (род. 1937) – преподаватель физики в школе.

Шлепянов Александр Ильич (1933–2016) – журналист, сценарист, коллекционер.

Штерн (урожденная Давидович) **Людмила Яковлевна** (род. 1935) – писательница, переводчица, журналистка.

Эрль Владимир Ибрагимович (Владимир Иванович Горбунов) (1947–2020) – поэт и прозаик, текстолог.

Юрский Сергей Юрьевич (1935–2019) – актер и режиссер театра и кино. Один из ведущих актеров БДТ в 1960–1970-е.

Яблонский Александр Павлович (род. 1943) – музыковед, преподаватель.

Яцкевич Олег Станиславович (род. 1934) – инженер, писатель. В 50-е один из «центровых» питерского Бродвея, герой известного фельетона «Прожигатель жизни».

Часть I

1944–1953

Поражение после победы

Посттравматический синдром

8 сентября 1941 года немецкие войска заняли Шлиссельбург, началась блокада Ленинграда. В 1941 году Ленинград насчитывал 3,4 миллиона жителей, в 1943-м – всего 600 тысяч. Линия фронта проходила по жилым районам, по летним резиденциям российских императоров. Число жертв значительно превысило количество сумевших выбраться из блокадного города по Дороге жизни. По крайней мере, 1 миллион человек гражданского населения умерли от голода. Ни один город Европы не испытывал в годы Второй мировой такого трагического опустошения. Зафиксированы тысячи случаев людоедства. По последствиям блокада сравнима с холокостом.

Первоначально согласно плану «Барбаросса» предполагалось захватить и оккупировать Ленинград. Таким образом, после соединения с финскими войсками Балтийское море становилось внутренним озером Германии. К тому же Гитлер придавал взятию города мистическое значение: «С захватом Ленинграда большевиками будет утрачен один из символов революции и может наступить полная катастрофа».

В августе 1941 года финны стояли на реках Сестре и Свири. Группа немецких армий «Север» захватила Новгород, «оседлала» Октябрьскую железную дорогу и по кратчайшему пути нанесла удар с неожиданного направления – юго-востока. В то же время немецкие танки с юго-запада вышли к Стрельне, обойдя Лужский рубеж и Красногвардейский укрепрайон.

Сталин требует от командующих Ленинградским фронтом Ворошилова, а потом Жукова подготовить флот и город к боям и возможному уничтожению путем взрывов.

В Ленинград прибывает нарком госбезопасности Всеволод Меркулов с мандатом: «Товарищу Меркулову поручается тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района». Заминированы все корабли военного и торгового флота, мосты, железнодорожные узлы и предприятия.

Цель – нанести немцам максимальный ущерб, пробить коридор по занятому немцами южному берегу Ладоги, чтобы войска могли вырваться из Ленинграда и уйти на Большую землю. Сталин как бы говорил: «Для нас армия важнее города». Ставка приказывала командованию фронта: «Сосредоточьте дивизий 8–10 и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда».

Из блокированного города самолетами и по Ладожскому озеру вывозили стратегические запасы: цветные металлы, военное оборудование, музейные ценности, ученых, Анну Ахматову, Александринский театр, секретных физиков. В городе подготовили три полосы обороны. Даже при удаче немецкого штурма фашистам достались бы только руины и случайно выжившие мирные жители.

Из воспоминаний преподавателя Гидрометеорологического Университета Виталия Сироты: «Во время блокады Ленинграда был момент, когда ожидался решительный штурм города немцами. Отец показывал мне окно в доме, выходящем на Неву около моста Строителей (ныне – Биржевой мост), где во время штурма должна была быть его огневая точка. Инструкции, которые он получил, касались выживания на этой позиции смертника: оказание

самому себе помощи в случае ранения и т. д. Штурм не состоялся. По словам отца, немцы переоценили силы обороняющихся».

Даже в истории такой жестокой войны, как Вторая мировая, существовала практика объявления городов открытыми – противники негласно договаривались: выдающиеся по культурному значению столицы – не поле для сражений. Открытыми городами стали, например, Париж и Рим. Города оккупировали без боя, например Киев, Минск, Ригу. В Ленинграде находились и те (и их, по данным НКВД, каждый день становилось все больше), кто мечтал таким образом спасти близких и себя. Но такого выхода для Ленинграда не существовало. Командование готовилось сражаться за каждый дом, а нацисты не собирались сохранять ни город, ни его жителей. Уже 8 июля 1941 года Гитлер приказывает: «Сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов». В августе взрывы в Киеве, Харькове, Одессе, организованные советскими диверсантами, показали вермахту: входить в наципигованные взрывчаткой советские города смертельно опасно.

В начале сентября Ленинград уже блокирован, а вермахту требуются танковые части и авиация под Москвой. Гитлер 6 сентября объявил Ленинград «второстепенным театром военных действий». Группе армий «Север» предписано передать свой боевой танковый корпус и больше половины авиации в распоряжение группы армий «Центр». 7 октября 1941 года генерал Альфред Йодль приказывает: «Капитуляция Ленинграда не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником. Ни один немецкий солдат не должен вступить в город. Кто покинет город через фронт, должен быть отогнан назад огнем. Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счет германской родины. Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров».

Ленинград следовало очистить от жителей, ограбить и взорвать. Он должен был исчезнуть с географических карт. Мечты многих о том, чтобы ужас медленной голодной смерти сменился хотя бы приходом немцев, были абсолютно тщетны. Гитлер не собирался кормить горожан: в оккупированном немцами Царском Селе смертность от голода превышала ленинградскую.

Попытки прорвать блокаду вплоть до января 1943 года заканчивались кровавыми поражениями Красной армии. Единственной победой стало взятие Тихвина в декабре 1941-го: оно дало возможность сохранить Дорогу жизни через Ладожское озеро. Собственно, Ладога и спасла тех, кто выжил.

Главное преступление Сталина и Жданова – позднее начало эвакуации. Ледовая дорога до конца января работала не на вывоз людей, а на эвакуацию оборудования и военной продукции. По иронии судьбы больше всего повезло высылаемым из города немцам и финнам, уже в начале блокады почти 60 тысяч человек вывезли из города в Коми и Архангельскую область. Когда же началась массовая эвакуация, то с 22 января по 15 апреля из Ленинграда удалось переправить 554 186 человек: больше 50 тысяч за неделю. Если бы эвакуация началась в середине ноября, спасли бы от голодной смерти еще полмиллиона горожан.

Битва за Ленинград – самое долгое и кровопролитное сражение в истории Второй мировой войны. Здесь маневренная Великая Отечественная скорее напоминала Первую мировую войну – ожесточенные, многодневные схватки за каждую высотку, траншею, сожженную деревню. Почти 1000 дней непрерывных боев, как минимум миллион убитых.

История блокады, как мы теперь ее узнаём, сильно отличается от той, которая давалась в советских учебниках.

Блокадный посттравматический синдром требовал законченного мифа, люди нуждались в оправдании личных страданий и мучительной смерти близких. Такое большое число жертв

– результат как зверства нацистов, так и трагической неподготовленности Красной армии и преступной беспечности Кремля и Смольного. Но этот честный ответ сочли бы преступлением.

Ответ на резонный вопрос: «Как допустили гибель такого количества мирных ленинградцев, в основном детей и женщин, и не в тылу бесчеловечного врага, а на своей территории?» заключался в концепциях «города-героя» и «героической обороны Ленинграда»: люди согласно этой легенде умирали из-за злодейства Гитлера, ради социалистической родины и Коммунистической партии.

Победа Смольного

Победителями в 1944 году стали прежде всего обитатели Смольного. Ленинградская номенклатура не погибала на фронте, не голодала – она выжила и сохранилась полностью. Окружение Жданова доказало свою эффективность и полную лояльность Сталину. Победа в Ленинградской битве давала ленинградцам-руководителям возможность получения преференций для себя и города. Глава ленинградской парторганизации Андрей Жданов становится вторым человеком в стране. После опалы Молотова, Маленкова, Жукова, падения влияния Берии Сталин доверил Жданову важнейший фронт – идеологический. Жданов принимается руководить расстановкой кадров и курирует международное коммунистическое движение.

Возвышение людей Жданова стало для Сталина кадровым маневром: возможностью противопоставить новую группу прежнему «близкому кругу». Возник мощный ленинградский клан с собственной иерархией и идеологией. Главное, чем Жданов выделялся среди других сталинских сановников, – у него имелась своя крепко сбита клиентела. Большая группа крупных партийных чиновников, обязанных именно ему своим возвышением, проводших с ним вдали от Большой земли три с половиной блокадных года.

А. А. Жданов

Выходцы из ленинградской партийной организации, которой долгие годы руководил Жданов, занимают важные посты в руководстве страны: Николай Вознесенский – первый заместитель председателя Совета Министров, председатель Госплана СССР; Алексей Косыгин – заместитель председателя Совета Министров; Алексей Кузнецов – секретарь ЦК и начальник Управления кадров ЦК ВКП(б), Михаил Родионов – председатель Совета Министров РСФСР и член Оргбюро ЦК.

Всего с 1946-го по август 1948 года ленинградская партийная организация подготовила для России около 800 крупных партийных работников.

Первыми секретарями обкомов ВКП(б) работали: в Новгородском обкоме Г. Х. Бумагин, в Псковском обкоме – Л. М. Антюфеев, в Ярославском – И. М. Турко, в Крымском – Н. В. Соловьев. Вторыми секретарям: ЦК КП(б) Эстонии – Г. Т. Кедров, Калининградского обкома ВКП(б) – П. А. Иванов, Новгородского обкома ВКП(б) – И. И. Баскаков, Мурманского обкома – А. Д. Вербицкий, Рязанского обкома – П. В. Кузьменко. Председателями облисполкомов: Новгородского – П. П. Еремеев, затем – М. И. Сафонов, Псковского – В. Д. Семин, Калужского – А. И. Бурилин.

В Москву перешли Т. В. Закржевская – заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), И. А. Андреев (бывший заведующий отделом торговли и заместитель председателя Ленгорисполкома) – заведомом кадров планово-финансово-торговых органов управления кадров ЦК ВКП(б), Клеменчук – заведомом управления кадров ЦК ВКП(б), Н. Д. Шумилов (бывший редактор газеты «Ленинградская правда») – заведомом управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), В. Н. Иванов – инспектор ЦК ВКП(б), М. В. Басов – заместитель председателя Совета министров РСФСР и председатель Госплана РСФСР.

В Ленинграде после ухода Жданова главными остаются Алексей Кузнецов, а после того, как и тот ушел на повышение, Петр Попков.

Сталин открыто называл своими будущими преемниками Николая Вознесенского и Алексея Кузнецова.

Группа Жданова – «ленинградцы» – имела и свою политическую программу: не написанную, не проговоренную детально – скорее, ощущаемые интуитивно взгляды и пристрастия.

Еще до войны Сталин постепенно заменяет марксистскую риторику великодержавной. В войну, и особенно после 1945 года, эта тенденция только усиливается. Жданов – один из горячих приверженцев этого направления.

13 августа 1944 года Жданов в проекте резолюции общесоюзного совещания историков пишет: «Ведущая роль русского народа в борьбе за социализм, таким образом, не навязана другим народам, а признана ими добровольно в силу той помощи, которую оказывал и оказывает другим народам русский народ в деле развития их государственности и культуры, в деле ликвидации их прежней отсталости, в деле строительства социализма. Это не может не наполнять каждого русского чувством гордости». Даже Сталину это показалось слишком: Генералиссимус абзац о ведущей роли русского народа выкинул. А в ждановском проекте новой партийной Программы порекомендовал убрать такие тезисы: «Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий русский народ... [который] по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций... Русский рабочий класс и русское крестьянство под руководством ВКП(б) дали всем народам мира образцы борьбы за освобождение человека от эксплуатации, за победу социалистического строя, за полное раскрепощение ранее угнетенных национальностей».

В 1944 году приняли два небывалых решения, инициированных Ждановым: первое – постановление исполкома Ленгорсовета – о возвращении дореволюционных названий улицам и площадям центра Ленинграда («ряд прежних наименований... тесно связан с историей и характерными особенностями города и прочно вошел в обиход населения»), и второе – постановление Государственного комитета обороны «О разработке мероприятий по восстановлению городов Петродворец и Пушкин».

16 января 1946 года руководитель ленинградских большевиков Алексей Кузнецов заявляет: «Про нас говорят, что мы, ленинградцы, – большие патриоты своего города. Да, мы – патриоты, мы его любим, лелеем... Да разве такой город можно не любить? Город, первым

остановивший врага, выстоявший 29 месяцев осады и разгромивший гитлеровские полчища под своими стенами, город, слава которого затмила славу Трои!»

Обратите внимание: Трои, а не Каховки или Царицына, даже не красного Петрограда: налицо новая фразеология и подспудно новая идеология – русский национализм имперского толка.

В ждановском окружении говорили открыто о необходимости переноса столицы Российской Федерации в Ленинград, учреждении российского гимна, создании в РСФСР своей партии и собственной Академии наук. Русские в СССР – парии, нужно, по крайней мере, уравнять их в правах с нацменами. Никита Хрущев вспоминал, что Жданов в 1945–1946 годах сетовал: в социалистической семье союзных республик самой обделённой остается РСФСР, города и села Центральной России выглядят бедными по сравнению с другими республиками, жизненный уровень русских значительно ниже других наций в составе СССР.

Ц К В К П(б)

товарищу СТАЛИНУ И.В.

В Ленинграде ряд улиц и площадей в разное время после Октябрьской революции были переименованы. Переименованы были и такие улицы, проспекты, набережные и площади, прежние наименования которых тесно связаны с историей и характерными особенностями города, в силу чего прочно вошли в обиход населения города, которое и до сих пор чаще пользуется этими прежними наименованиями. В связи с этим, становится более целесообразным восстановить прежние наименования некоторых улиц и площадей в городе.

Ленинградский городской комитет ВКП(б) считает необходимым внести на Ваше рассмотрение предложение о восстановлении прежних наименований следующих улиц, проспектов, набережных и площадей города:

Существующее наименование.	Прежнее наименование.
Проспект 25 Октября	Невский проспект
Улица 3 Июля	Садовая улица
Проспект Красных Командиров	Измайловский проспект
Площадь Красных Командиров	Измайловская площадь
Площадь Памяти Жертв Революции	Марсово Поле
Площадь имени Воровского	Исаакиевская площадь
Площадь имени Плеханова	Казанская площадь
Проспект имени Володарского	Литейный проспект
Проспект имени Нахимова	Владимирский проспект
Проспект имени Карла Либкнехта	Большой проспект
Улица имени Розы Люксембург	Введенская улица
Набережная имени Рошаля	Адмиралтейская набережная
Проспект имени Рошаля	Адмиралтейский проспект
Улица имени Слуцкого	Таврическая улица
Советский проспект	Суворовский проспект
Проспект Пролетарской Победы	Большой проспект
Проспект Мусоргского	Средний проспект
Проспект Железняка	Малый проспект
Площадь Урицкого	Дворцовая площадь
Набережная 9-го Января	Дворцовая набережная

Ленинградский городской комитет ВКП(б) просит разрешить произвести восстановление прежних наименований перечисленных выше улиц, проспектов, набережных и площадей города Ленинграда.

Приказ о переименовании улиц Ленинграда

До поры до времени Сталин никак не реагировал на реформаторскую активность выходцев из блокадного руководства. Наоборот, в город идут серьезные капиталовложения, а местное начальство проявляет завидную самостоятельность и хозяйственную расторопность. Видимое повышение статуса Ленинграда в стране кажется населению неким воздаянием за перенесенный ужас.

Город неявно становится второй столицей. В 1945 году Александр Солженицын пишет с фронта приятелю: «После войны нужно стараться попасть в Ленинград, пролетарский, интеллигентный, умный город, по традиции чуждый Сталину, а не в Москву, город торгашей».

Заложены Приморский и Московский парки Победы, строится стадион имени Кирова (самый большой в стране!), достраиваются по-сталински роскошные южные и юго-западные городские магистрали. В 1944 году «Зенит» выигрывает Кубок страны по футболу. «Ленметрострой» прокладывает первую линию городской подземки. Ленинградские балетмейстеры, композиторы, артисты, режиссеры, писатели исправно получают Сталинские премии. Музей обороны Ленинграда становится самым посещаемым в городе, Жуков показывает его Эйзенхауэру. Блокада превращается в локальный миф о специфической стойкости ленинградцев, их особой преданности традициям русской ратной славы.

Стадион им. Кирова

Первые признаки сталинского недовольства Ленинградом проявились в 1946 г., когда проработочное постановление ЦК, которое поначалу метило в московский «Новый мир» и Бориса Пастернака, на ходу переадресовали ленинградским журналам «Звезда» и «Ленинград», Анне Ахматовой и Михаилу Зощенко. Тем не менее еще два года положение «ждановцев» казалось неколебимым.

Дмитрий Шепилов, возглавивший Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в 1948 г., позже писал: «Сталин очень сблизился с Ждановым. Много времени они проводили вдвоем. Сталин высоко ценил Жданова и давал ему одно поручение за другим, самого разного характера. Это вызывало глухое раздражение со стороны Берии и Маленкова. Их неприязнь к Жданову все возрастала. В возвышении Жданова им мерещилась опасность ослабления или потери доверия к ним со стороны Сталина».

Смерть Жданова

В 1948 году Андрею Жданову – пятьдесят два. Типичный бюрократ пиквического сложения, редко покидавший свой кабинет, работавший днем и ночью. Жданова мучили регулярные приступы грудной жабы (как тогда называли стенокардию), он страдал от тяжелого атеросклеротического изменения сосудов сердца. У Жданова был диабет, он много пил. Стрессы преследуют политиков. Находиться рядом со Сталиным и чувствовать душевное спокойствие не удавалось никому. Андрей Жданов переносил неприятности тяжело, забывался с помощью алкоголя. Но становилось только хуже. Он обретал репутацию пьяницы среди членов Политбюро и – главное! – в глазах вождя. При том что как ответственный за идеологию обязан был находиться при Сталине, постоянно участвовал в ночных «обедах» на Ближней даче.

Никита Хрущев вспоминал: «Помню (а это было редким явлением), как Сталин иногда покрикивал на него, что не следует пить. Тогда Жданов наливал себе фруктовую воду, когда другие наливали себе спиртные напитки. Полагаю, что если за обедом у Сталина тот его удерживал, то что было дома, где Жданов оставался без такого контроля? Этот порок убил Щербакова и в значительной степени ускорил смерть Жданова».

В начале 1948 года состоялось «второе пришествие» наверх главного номенклатурного врага Жданова – Георгия Маленкова, который возвратил себе пост секретаря ЦК партии. С одной стороны поджимали конкуренты, прежде всего Маленков и Берия, с другой – собственный сын делал опрометчивые заявления. Весной 1948 года сын Андрея Жданова, Юрий, ученый-химик, заведующий отделом науки ЦК КПСС, подверг критике любимца Сталина академика Трофима Лысенко. Это вызвало гнев со стороны Сталина. Юрия Жданова заклеила «Правда». Андрей Александрович знал, как генсек поступал с теми, кто вызывал у него сомнения.

В 1947 году Жданов прошел курс лечения в Сочи. Но стенокардия только прогрессировала.

Вспоминал Дмитрий Шепилов: «Тяжелое заболевание А. А. Жданова – гипертония, атеросклероз, грудная жаба и сердечная астма – всё прогрессировали. Огромная нагрузка в работе, частые многочасовые ночные встречи и ужины на даче Сталина, постоянное нервное перенапряжение – все это подтачивало его здоровье. Он задыхался во время разговора, лицо покрывалось розовыми пятнами. После нескольких фраз он делал паузу и глубоко втягивал в себя воздух. Как-то солнечным утром Андрей Александрович вызвал меня и сказал: „Меня обязали ехать на отдых и лечение. Я буду не так далеко от Москвы, на Валдае. Уверяют, что там легко дышать“».

Обострение произошло в июле 1948 года. 10 июля Жданова, согласно заключению врачей, отправили в двухмесячный отпуск. Как полагается, у него были назначенные Лечсанупром лечащие врачи – доктора Георгий Майоров и Софья Карпай. 23 июля, по свидетельству персонала, состоялся телефонный разговор с подчиненным, заведующим агитпропом Дмитрием Шепиловым.

Разговор был неприятен для Жданова, он был крайне возбужден (сам Шепилов в своих воспоминаниях демонстрирует преданность Жданову и об этом телефонном разговоре в посвященной смерти босса главе не упоминает вообще). Ночью у Андрея Александровича случился тяжелый приступ. 25 июля из Москвы прибыли главные кремлевские врачи – профессора Владимир Виноградов, Владимир Василенко и Петр Егоров. Консилиум постановил: имел место острый приступ сердечной астмы, основной причиной недомогания назван кардиосклероз. Больному прописали прогулки и массаж. Как указывает исследователь этого вопроса историк Геннадий Костырченко, врачам положение пациента серьезным не казалось. Софья Карпай уехала в отпуск, а Майоров поручил уход за Ждановым медсестре и увлекся рыбалкой.

7 августа в «Правде» Жданов читает покаянное письмо сына, который, ссылаясь на свою «неопытность» и «незрелость», униженно просит прощения за критику академика Лысенко. В тот же день сняли последнюю перед приведшим к смерти кризисом кардиограмму. Следующую сделали только 28 августа, после припадка и за три дня до кончины.

Консилиум в лице кремлевских профессоров прибывает в «Валдай» 28 августа. Среди приехавших заведующая кабинетом ЭКГ кремлевской больницы Лидия Тимашук. Она обследует Жданова и констатирует «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Профессора называют мнение Тимашук ошибочным. Они требуют от Тимашук переписать заключение в соответствии с ИХ диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни».

Лидия Тимашук

Итак, мнения разошлись.

А врачи больному предложили... больше двигаться! В историю болезни внесли: «Рекомендовано увеличивать движения, с 1 сентября разрешить поездки на машине, 9 сентября решить вопрос о поездке в Москву». Только Тимашук настаивала на строгом постельном режиме. 28 августа 1948 года, поняв, что Виноградов к ее мнению не прислушается, она пишет заявление на имя начальника Главного управления охраны МГБ СССР Николая Власика, которое передает через руководителя охраны Жданова майора Белова. Вечером того же дня заявление в Москве.

29 августа генерал Абакумов сообщает о произошедшем Сталину: «Как видно из заявления Тимашук, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка, в то время как начальник Санупра

Кремля Егоров и академик Виноградов предложили ей переделать заключение, не указывая инфаркт миокарда».

Сталин отреагировал спокойно. Заявление Тимашук, прочитанное Сталиным, отправилось в архив. Ее саму понизили в должности. 31 августа пациент умер.

Вскрытие проводилось вечером в день смерти прямо на даче. Его делал патологоанатом Кремлевской больницы Федоров в присутствии секретаря ЦК Алексея Кузнецова. Официальное заключение о смерти формально подтвердило клинический диагноз профессоров-консультантов. Свежие и застарелые рубцы на сердце (свидетельства перенесенных инфарктов) описали двусмысленно как «некротические очажки», «фокусы некроза», «очаги миомаляции» и т. п. Тем же вечером результаты утвердил заочный консилиум в Москве. Утром вышел свежий номер газеты «Правда» с официальным диагнозом. Его смерть, ставшая, если выразиться языком газеты «Правда», «утратой для всего советского народа», сомнений, выходящих за рамки медицинского консилиума, поначалу не вызвала. И в той же «Правде» 1 сентября 1948 года была опубликована официальная на тот момент причина смерти Андрея Жданова. Она была сформулирована так: «От паралича болезненно измененного сердца при явлениях острого отека легких».

Сегодня большинство специалистов-кардиологов полагают, что врачи Кремлевской больницы дважды совершили врачебные ошибки. Первый раз, когда не настояли на постельном режиме для высокопоставленного пациента (это можно объяснить сопротивлением самого Жданова, перечить которому они боялись). И вторая – роковая ошибка – игнорирование результатов электрокардиографии. Здесь могло сказаться подозрительное отношение к этому методу функциональной диагностики, который только начал входить в клиническую практику.

Жданова похоронили у Кремлевской стены. Картина А. Герасимова «Сталин у гроба Жданова» была отмечена Сталинской премией за 1949 год. Город Мариуполь переименован в Жданов, имя покойного получили заводы, учреждения и Ленинградский университет.

Смерть Жданова оказалась под сукном. Докладная Тимашук пролежала, никому не нужная, никого особо не беспокоящая, почти никого своими обстоятельствами не заинтересовавшая, четыре года. А потом послужила поводом для одной из крупнейших послевоенных операций МГБ. События 1948 года легли в основу сценария «Дела врачей», в ходе которого была названа вторая «официальная» версия смерти Андрея Жданова – преднамеренное убийство медицинскими работниками.

Лидия Тимашук и ее заявление явились для следствия объединяющим звеном в распутывании цепи заговора. Она стала главным медицинским свидетелем. А косвенное или прямое участие в истории со Ждановым превратилось в повод для репрессий всех остальных – Егорова, Виноградова, Власика, того же Абакумова...

Лидия Тимашук получила в январе 1953 года орден Ленина за помощь следствию. Практически все следственные действия в тот период совершались вокруг ее диагноза, поставленного Жданову. И, как мы помним, главным оппонентом Тимашук, упомянутым ею в письмах, был академик Владимир Никитич Виноградов. Он был самым авторитетным и маститым среди «придворных врачей» и лечил не только Сталина, но и всех членов Политбюро. Впрочем, от лечения Сталина к этому времени Виноградов был отстранен, хотя его прогноз насчет здоровья вождя (атеросклероз и возможный инсульт) сбывся на сто процентов.

На допросах он признавал и умысел, и небрежность. У него были очные ставки с Софьей Карпай, где профессор Виноградов согласно стенограммам предлагал коллеге не юлить и во всем признаться. Виноградова пытали, к тому же он не питал иллюзий – сам имел опыт участия в подобном процессе: в 1938 году он выступил в качестве эксперта от медицины против своего наставника профессора Плетнева.

Окончательное мнение о медицинской стороне этого дела Владимир Виноградов высказал 27 марта 1953 г., когда он был освобожден и реабилитирован. Из письма Лаврентию Берия: «Все же необходимо признать, что у А. А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было».

«Дело врачей» развалилось, не дойдя до суда, едва умер Сталин. 3 апреля 1953 года обвиняемые были освобождены. На следующий день было объявлено, что признательные показания добывались «недопустимыми методами». Следователя Рюмина арестовали по приказу Берия. Летом 1954 года он был расстрелян. От предположения, что Жданов был уничтожен врачами-вредителями, Советское государство отказалось.

Но в этом деле возможна другая версия. Ее можно назвать политической. Суть в том, что смерть Жданова была на руку его политическим оппонентам. А по большому счету – его патрону, товарищу Сталину.

Смерть Жданова стала прелюдией к тотальному уничтожению близких к нему партийных кадров, знаменитому «Ленинградскому делу».

Никто и никогда не ставил под сомнение факт, что Андрей Александрович Жданов страдал сердечно-сосудистым заболеванием и умер, находясь под присмотром врачей, 31 августа 1948 года в пансионате «Валдай». Остальное в том, что касается его смерти, – вопрос медицинских, исторических и политических трактовок.

Мы никогда не узнаем, что точно случилось в «Валдае». Но, скорее всего, речь шла о своего рода заговоре бездействия. То есть придворные кремлевские профессора не оказали Жданову правильную помощь не потому, что не разглядели на ЭКГ инфаркт, а потому, что получили установку (вероятнее всего, косвенную, а не прямую): пациент скорее нужен мертвым, чем живым. В принципе, то упорство, с которым Виноградов, Егоров и другие сопротивлялись диагнозу Тимашук, говорит, что там, в санатории «Валдай», что-то было нечисто.

Лидия Тимашук странным образом имела при себе фотоаппарат и снимала для истории (!?) ЭКГ Жданова на пленку. Но при этом ее сигналы услышаны не были, а в записке Абакумова ей приписаны неправильные инициалы. И никто не защитил ее, когда профессура отправила Лидию Тимашук в заштатную, по сравнению с кремлевской больницей, поликлинику. Но оставили с ее пленками «для истории» в действующем резерве.

Все, что можно было сделать руками Жданова, – сделано. Это чистки в Ленинграде, послевоенные идеологические кампании, разгром журналов «Звезда» и «Ленинград», выступления против Зощенко, Ахматовой, Шостаковича, «суды чести».

Мавр сделал свое дело, мавр мог уходить. Сталинский почерк – сначала приказать убить жертву, потом покарать палачей.

За что покарали «ленинградцев»

Смерть Жданова послужила увертюрой к «Ленинградскому делу», как смерть Горького – к «Большому террору».

Разгром блокадного руководства начался 15 февраля 1949 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.», а закончился в октябре 1950 года, когда расстреляли 26 человек и еще 188 обвиняемых получили лагерные сроки.

Поражает избыточная жестокость и отсутствие какого-либо внятного ее объяснения. Для «ленинградцев» смертную казнь восстановили задним числом (ее официально отменили в 1946 году). Их изуверски, даже по нравам того времени, пытали: первого секретаря Крымского обкома КПСС Н. Соловьева, арестованного в рамках «Ленинградского дела», забили до смерти, одному из руководителей обороны Ленинграда А. Кузнецову порвали барабанную перепонку. Осужденным на смерть запретили апелляцию – расстреляли сразу после заседания Военной коллегии Верховного суда.

Ни из обвинительного заключения, ни даже из проекта закрытого письма ЦК понять, почему покарали ленинградцев, невозможно. Бухарина, Зиновьева, Каменева, скажем, обвиняли в планах убийства Сталина, работе на гестапо и Интеллидженс сервис: в данном случае и этого нет. Только странные претензии, касающиеся попытки «вбить клин» между ЦК и ленинградской партийной организацией.

Почему же Сталин уничтожил преданных ему и доказавших это обороной Ленинграда коммунистических аппаратчиков?

Намеки на настоящие причины обрисованы в проекте так и не разосланного закрытого письма ЦК: «Группа Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве. Неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б) и о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и др. мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и Союзное Правительство проводят антирусскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других национальных республик за счет русского народа. В группе было предусмотрено, что в случае осуществления их планов Кузнецов А. должен был занять пост первого секретаря ЦК РКП(б). Предложение бывших ленинградских руководителей Вознесенскому о „шефстве“ над Ленинградом, сделанное ему Попковым после смерти Жданова, было не случайным, а вытекало из существа их антипартийных связей. Ответственность за враждебную деятельность ленинградской верхушки ложится и на Жданова А. А.».

Один резон лежит на поверхности: борьба с клановостью, ведь в основе любого заговора – личная близость, взаимное доверие. Еще на февральско-мартовском пленуме 1937 года Сталин объяснил опасность кланов на примере Левона Мирзояна – первого секретаря Казахской компартии: «Что значит таскать за собой целую группу приятелей, дружков? Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы. Вместо ответственных работников получается семейка близких людей, артель».

Мирзояна и его окружение уничтожили. Но теперь Сталин стоит перед гораздо более мощной ждановской группировкой, куда входят председатель Госплана Вознесенский, зампредсовмина Косыгин, секретарь ЦК Кузнецов, глава ленинградской партийной организации Попков, предсовмина РСФСР Родионов и еще сотни номенклатурных работников в разных республиках и областях.

Конечно, Сталина не могла не волновать и сама суть предложений «ждановцев». Создание отдельной коммунистической партии РСФСР потенциально опасно: такая крупная респуб-

ликанская организация объективно становится конкурентом самой ВКП(б) и ее центральных органов. Мы все это видели в 1990, когда только что образованная КП РСФСР взбунтовалась против КПСС.

Иосиф Сталин не любил вспоминать, что его настоящая фамилия – Джугашвили. Маленький Вася Сталин по секрету говорил старшей сестре Свете: «А знаешь, наш отец раньше был грузином». Недаром именно о генсеке Ленин написал знаменитое: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения». Но настроения ленинградцев не могли его не пугать. По словам Анастаса Микояна, «Сталин даже говорил, что Вознесенский – великодержавный шовинист редкой степени. Для него не только грузины и армяне, но даже украинцы – не люди». А чего стоила, например, принятая в кругу «ленинградцев» шутка: «Раньше в Политбюро пахло чесноком (намек на евреев), а теперь шашлыком» (в руководстве находилось трое кавказцев – Берия, Микоян и Сталин).

Думается, наличествовали еще какие-то оперативные данные, неосторожные разговоры, вроде тайно записанных на пленку бесед о жестокости Сталина и недостаточной политической смелости Жукова, стоивших жизни расстрелянным в 1950-м генералам Василию Гордову, Филиппу Рыбалченко и маршалу Григорию Кулику.

Отметим и еще один сюжет, на который впервые указал Кирилл Балдовский в монографии «Падение „блокадных секретарей“»: Алексей Кузнецов настаивал на «расширении полномочий партийных органов, их общем, стратегическом руководстве всей хозяйственной деятельностью как на региональном, так и на общесоюзном уровне». Такое доминирование одной силы потенциально лишало Сталина роли верховного арбитра, модерлирующего конфликты между партийной, советской, чекистской и военной элитами.

Алексей Герман-старший в разговорах со мной высказывал предположение, что Сталин, как в 1936–1938 годах, когда судили вначале «левых» (троцкистов), а потом «правых» (бухаринцев), задумывал сложную политическую комбинацию. «Великий нормировщик», как называл Сталина Троцкий, видимо, задумывал двухходовку – сначала «Русское дело» ленинградского руководства, потом еврейское «Дело врачей».

Но, по-видимому, открытое обличение великорусского шовинизма сочли делом щекотливым и опасным, а врачей освободили смерть Сталина и Лаврентий Берия.

С началом «Ленинградского дела» в Смольном появились новые люди, никак не связанные с городом, не пережившие здесь блокаду, – Василий Андрианов из Свердловска и Фрол Козлов из Куйбышева. Они «чистили» номенклатуру и интеллигенцию и вместе со следователями МГБ нагнали такого ужаса, что десятилетиями руководители Ленинграда продолжали испытывать почти животный страх перед Кремлем. Руководителей Смольного отличали полная сознательно культивируемая бесцветность, боязнь совершить или допустить у подданных идеологическую ошибку, опасение излишне «выпячивать» память о блокаде и просить у центра какие-то дополнительные средства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.